

**НОВЫЕ  
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК  
В КИЕВСКОЙ РУСИ**

**ИВАН АПРАКСИН**

**ПОДМЕННЫЙ  
КНЯЗЬ-2**

**ГИБЕЛЬ БОГОВ**

Новые герои

Иван Апраксин

**Гибель богов**

«ЭКСМО»

2012

## **Апраксин И.**

Гибель богов / И. Апраксин — «Эксмо», 2012 — (Новые герои)

Десятый век. Языческая Русь... О том, что киевский князь Владимир на самом деле пришелец из XXI века, знали лишь трое: Блуд, Свенельд и Добрыня. Этой троице было на руку, что вместо свирепого конунга Вольдемара на княжеском троне восседает бывший врач московской «Скорой помощи». Им легче манипулировать. Корыстные интересы толкают на военные авантюры. В результате поход на Волжскую Булгарию заканчивается для воинства русов плачевно. И если бы не победа в поединке, которую княжич Аскольд одержал над болгарским батыром Мухаммедом, ни один рус не вернулся бы в родную землю. Но подменному князю надоело быть пешкой в чужой игре. И если уж судьба забросила его в раннее Средневековье, Владимир намерен использовать этот шанс по полной...

© Апраксин И., 2012

© Эксмо, 2012

# Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

# Иван Апраксин

## Подменный князь-2. Гибель богов

### Пролог

#### Битва в пути

Поход на Волжскую Булгарию закончился нашим поражением. Мы сняли осаду с города болгар и двинулись назад. Нашим ратям предстоял пятидневный путь до великой реки Итиль по опустошенным землям врага.

Лошади падали от усталости, воины еле шли, утомленные неудачной осадой и яростными боями. Осеннее солнце освещало наши поредевшие полки.

На второй день нас догнало болгарское войско.

В заволжской степи не надо искать поле для сражения: мы стояли на открытом месте и видели перед собой исполненные отваги ряды болгарских ратников. Нас разделяло совсем небольшое пространство, поросшее ковылем с редкими вкраплениями блеклых осенних цветков. Нас было несколько сотен, болгар – несколько тысяч. Это поле должно было стать полем нашей славы и нашей гибели.

В стане врага били в барабаны. Устрашающая ритмичная дробь далеко разносилась по округе.

Зеленое знамя пророка развевалось за рядами вражеских воинов – над шатром болгарского эмира Абдаллаха.

Пока не началась битва, стояла тишина. Мы глядели в близкие ряды болгарских воинов и сжимали в руках оружие. Если суждено принять смерть, мы сделаем это достойно.

«Мы все погибнем здесь», – думал я, оглядывая стоящих на холме рядом со мной соратников: боярина Блуда, воеводу Свенельда, эрзянского и муромского князей. Все были суровы и сосредоточены. Чем закончится неравный бой, мы все хорошо понимали. Пощады не будет никому: ни боярину, ни дружиннику, ни даже мне – князю киевскому.

«Неужели сейчас все закончится?» – спрашивал я себя.

«Видимо, да, выхода нет. Мы в западне. Но если так, то зачем я здесь? Неужели неведомая тайная сила забросила меня сюда, в десятый век, сделала князем Киева только для того, чтобы я бесславно погиб в этой степи?»

Для чего тогда было все? Человек из двадцать первого века забрасывается сюда только лишь для того, чтобы оказаться зарезанным волжскими булгарами в случайном сражении? Как глупо! Ведь я ничего еще не сделал!»

Из вражеских рядов выехал воин на низкорослой лошадке. На голове его был плоский металлический шлем с маленьким острым шишаком сверху, на теле кольчуга, а в руке – короткое копьё. За время войны я уже видел, как ловко булгары протыкают этими копьями насквозь наших ратников...

Не доехав до наших рядом шагов двадцать, болгарин закричал свое сообщение:

– Великий эмир – покоритель неверных, да хранит его Аллах, предлагает сразиться богатырям!

Булгарин кричал долго, но мы сразу хорошо поняли его условия.

Эмир жалел своих людей, он хотел избежать кровопролитного сражения. Долго мы уже воевали, слишком много было жертв с обеих сторон. Война закончится, а кто будет сеять хлеб и собирать урожай? Кто будет удить рыбу, охотиться в степи и платить подати эмиру? Людей нужно беречь...

Их богатырь против нашего богатыря. Бой не на жизнь, а на смерть. Без правил, без кодекса воинской чести. Никакой воинской чести тут нет и быть не может – ей нет места в этих краях и в этом веке.

Условия просты: если наш богатырь победит, то нам позволят спокойно уйти. Мы пройдем через степь, переправимся через Итиль-Волгу и скоро вернемся на Русь. Если победит болгарский богатырь – будет битва, последняя для нас. И наша кровь удобрит здешнюю землю. Красивый, сочный ковыль вырастет тут в следующем году!

– Если будет сражение, мы не вернемся домой, – говорит Свенельд. Его седеющая борода развеивается по ветру, лицо сурово. Он не боится смерти, он просто готов к тому, что будет. По верованиям русов, погибшие в бою воины потом всю вечность будут наслаждаться пивом и объятиями ласковых девушек и нежных юношей.

– В этом поединке – наше спасение, – говорит боярин Блуд, и губы его дрожат. В отличие от Свенельда в нем больше фантазии, он боится смерти.

– Или гибель.

Муромский и эрзянский князья молчат. Муромский Овтай накануне легко ранен в бедро и сражаться не может, хоть ему и обидно. Эрзянский Тюштя – уже немолод.

А вот и богатырь из болгарского стана. Он выезжает вперед на своем скакуне, и на широком скуластом лице его играет самодовольная улыбка. Он сильнее всех в войске. Он – самый умелый и мужественный воин. Его послал сам эмир, да хранит его всемогущий Аллах. Он победит любого!

Видно, он знатного происхождения: на голове стальной шлем, сверкающий на солнце, кольчуга из мелких колечек – самая прочная. В одной руке – железная булава на длинной ручке, усеянная острыми шипами. Во второй – меч из дамасской стали, отливающий синевой.

Из вражеских рядов с восторгом кричат его имя – Мухаммед. Богатырь Мухаммед – лучший воин эмира Абдаллаха – повелителя Булгарии, вождя правоверных. Сейчас он убьет своего противника, а потом для всех начнется главный восторг – победоносное сражение, в котором можно зарезать пришельцев – нас.

А кто же пойдет от нас? Кто станет нашей единственной надеждой?

– Мухаммед! Мухаммед! – кричат со своей стороны болгары, и барабаны ритмично ухают в унисон воплям.

– Я пойду, – говорит Свенельд, потряхивая мечом в руке. Его глаза сверкают.

– Ты старый, – возражает Блуд. – Раньше ты мог победить любого богатыря, но это время прошло.

Глаза Свенельда потухают, в них царит растерянность. Блуд прав, с его словами не поспоришь.

Справа и слева от нас – ряды наших воинов. Они готовы сражаться и умереть. Но никто не хочет этого. Люди волнуются, переговариваются, смотрят на нас – своих вожаков. Вот выкрикивают имя Неждана из Переяславля – славного воина. Вот кричат про Драгомира – рослого красавца, из моих ближних дружинников. Слов нет, оба – прекрасные воины...

Мухаммед проезжает вдоль наших рядов, волнуя коня – тот приседает и словно вытанцовывает что-то. Кажется, вместе с болгарским богатырем даже его лошадь смеется над нашей растерянностью.

Крики с той стороны усиливаются. Это становится нестерпимым – над нами издеваются! Враги думают, что мы испугались и у нас нет достойного противника для их Мухаммеда.

А у нас и правда, кажется, нет. Нет бесспорного кандидата в спасители.

Но вот что-то произошло, и ропот наших воинов вдруг смолк. Ряды расступились, и вперед вышел человек в белой рубахе, вышитой по вороту, в грубых кожаных штанах, с обритой головой, как у всех русов. Только длинный чуб небрежно заброшен за правое ухо.

Это сын черниговского князя Аскольд. Сам князь болеет и в поход с нами не пошел – прислал сына во главе дружины.

Аскольд по прозвищу Кровавая Секира. Он долговяз и идет, словно у него заплетаются ноги. Длинное вытянутое лицо его всегда бледно, как сама смерть, которую он несет в своих жилистых длинных руках.

Никто никогда не видел, как смеется Аскольд Кровавая Секира. Он всегда спокоен и как бы немного заторможен. Да он, похоже, и вправду немного не в себе...

Увидев, что рус вышел из рядов без коня, болгарин слез со своей лошади. Он уверен в своих силах: если противник пеший, то и ему нетрудно спешиться.

У нас вообще было мало скаковых лошадей. Славяне и русы привыкли сражаться пешими.

Аскольд вышел на бой в одной белой рубахе, раздуваемой ветром. Воинам-русам доспехи не нужны, даже кожаные. Если биться только в рубахах, да еще обязательно из белого полотна, то даже лучше – сразу видна будет кровь от ран и порезов. А что может привести в ярость сильнее, чем вид крови, даже собственной?

Вид крови, да еще отвар из дурманных грибов, который воины варили перед битвами в своих котелках, – вот лучший способ одержать победу над врагом!

Противники сходятся для поединка. Кричат напутствия болгарину с той стороны, а с нашей – Аскольду.

Мухаммед приближается и бьет первым – булава описывает полукруг и летит к голове руса. Если ударит, голова попросту расколется, как орех. Но Аскольд увернулся, присев. В свою очередь, он наносит удар, широко размахнувшись своей смертоносной секирой. Он орудует ею одной рукой – так удары получаются более непредсказуемыми.

В ловкости и бесстрашии один не уступал другому. Мухаммед налетал со всех сторон. Он прыгал вокруг своего противника и нападал одновременно как бы со всех сторон. Лево́й рукой он пытался достать руса булавой, а правой в то же время рубил мечом.

У Аскольда было преимущество – длинные руки. Он манипулировал секирой так легко, словно она была совсем легкой, и если не мог увернуться от удара, то парировал его оружием. Сталь ударялась о сталь, летели искры.

Несмотря на прохладную погоду, противники быстро вспотели. Лицо болгарина стало распаренным, багровым, а у Аскольда рубаха прилипла к телу. Они вытаптывали ковыль под ногами и наносили друг другу удар за ударом, каждый из которых мог бы стать смертельным.

Но вот наступила усталость и вместе с ней – ошибки, просчеты, пропущенные удары. Близилась развязка.

Аскольд обрушил свою секиру с такой силой, что сумел выбить из рук Мухаммеда булаву. Страшное оружие отлетело в траву и покатилося. Увидев это, болгарские воины завопили от гнева...

Но в следующий миг разъяренный Мухаммед рванулся вперед, и его меч полоснул по правой руке нашего богатыря. Рукав сразу окрасился багровым. Аскольд отступил на шаг и выронил секиру из раненой руки.

На сей раз взревела от отчаяния наша дружина. Казалось, что все – конец близок. Но рус метнулся вперед, как бы припав к земле – прямо под ноги болгарину. Он сделал это так стремительно, что противник пошатнулся и потерял равновесие. Не успев нанести удар мечом по оставшейся незащищенной спине Аскольда, Мухаммед упал на одно колено. Этого времени Аскольду хватило на то, чтобы поднять левой рукой упавшую секиру и отскочить. Совершенный им маневр был чрезвычайно опасным и даже противоречащим животному чувству самосохранения: оставшийся без оружия человек, естественно, стремится отступить от врага, если не бежать прочь. Однако Аскольд преодолел в себе этот страх и поступил ровно наоборот: ринулся безоружным прямо под ноги вооруженному врагу.

От гнева Мухаммед взвыл в голос – победа была уже так близка! Он снова пошел на врага, рубя мечом и пытаясь достать до белой рубахи Аскольда. От усталости и гнева он не рассчитал своих сил. Устремившись всем телом вперед, болгарский боец дотянулся-таки до своего врага, и сверкающее на солнце лезвие меча с громким хрустом вошло под ключицу Аскольду.

Я сам и стоявшие вокруг меня люди дружно ахнули, и крик боли вырвался из наших рядов. Как будто это в наши тела вошел смертоносный металл...

Но в тот же самый миг длинная рука Аскольда взметнулась вверх, и ужасная секира обрушилась на голову Мухаммеда. Шлем отлетел в сторону, и мы увидели разрубленную голову бойца. Еще несколько мгновений болгарин стоял на месте, широко расставив ноги. Из раскрытого черепа хлестала темная кровь, заливая нарядные доспехи и стекая на землю. Спустя секунду-другую ослабевшая рука выпустила рукоятку меча, и мертвое уже тело упало в пожелтевший ковыль.

Бешеный крик раздался из рядов болгарских воинов, и наши бойцы невольно крепче сжали в руках свое оружие, плотнее сдвинувшись друг к другу. Аскольд высоко поднял свою окровавленную секиру и издал победный крик. Меч все еще торчал из его груди пониже ключицы, но он не обращал на это внимания, будто не чувствовал боли. Да так, наверное, и было – безумное выражение его лица и бессмысленный взгляд остекленевших глаз свидетельствовали о том, что человек в пылу боя перешел за границу сознания.

Аскольд повернулся к нам и сделал несколько шагов. Потом обернулся и посмотрел на убитого врага. Затем снова пошел на нас. Навстречу ему из рядов выскочили несколько воинов, но, встретившись с ним взглядами, отскочили.

Аскольд Кровавая Секира шел на нас, держа левой рукой на отлете свое страшное оружие. Мы все поняли, что он не различал более, кто свой, а кто чужой. Опьяненный своей и чужой кровью, он готов был сокрушить все на своем пути. Он шел, чтобы сеять смерть...

Висящая плетью рука, с которой стекала кровь, и меч, торчащий из груди, производили впечатление ужаса. Лицо его, как всегда мертвенно-бледное, было лицом всеобщей гибели.

Аскольд сделал в нашу сторону еще несколько шагов, а когда ему оставалось метров десять, он споткнулся и упал набок. Меч выскочил из тела, и на траву хлынула кровь. Вот теперь ему уже можно было оказать помощь...

Булгарская рать ушла, и мы смогли продолжить наш путь.

## Глава 1

### Инязор

*В этой роще березовой,  
Вдалеке от страданий и бед,  
Где колеблется розовый  
Немигающий утренний свет...*

*Н. Заболоцкий*

– Нам назначили встречу в священной роще, – прокричал мне в ухо боярин Блуд, стараясь голосом перекрыть вой ледяного ветра. – Там, за холмом, у самой реки.

– Это может быть ловушкой? – спросил я, уже привыкший к переменчивости друзей и врагов в этом далеком мире. – Нас могут там убить?

Ветер крепчал с каждой минутой. Казалось, что вот-вот он перейдет в настоящую бурю. Мы стояли на открытом месте у крутого берега неширокой реки, и налетающий ветер свистел в наших ушах.

Блуд повернул ко мне измученное отечное лицо с черными кругами вокруг глаз, и я вспомнил, что он тяжело болен. Наверное, в этом злополучном походе ему приходится труднее всех.

– Не думаю, – сказал он. – Нет смысла нас убивать. Но как бы то ни было, ехать нам туда придется все равно. Встреча назначена на рассвете. Я приду за тобой, князь.

Оба мы были закутаны в длинные шерстяные плащи, которые стали тяжелыми от сырости и при ходьбе путались между ног. Как ни старались слуги высушить плащ над пламенем костра при каждой стоянке, он промокал от дождя насквозь уже через десять минут. А дожди поливали уже третий день, становясь все холоднее и злее.

Когда я заполз в свой княжеский шатер, заботливо расставленный воинами, то почувствовал сырость и резкий запах мокрой шерсти. Ткань шатра тоже не просыхала, и сделать с этим было ничего нельзя.

Зато расстеленная на земле медвежья шкура обещала тепло этой ночью. Шкуру в пути везли свернутой и притороченной к седлу, так что она оставалась сухой. Может быть, после нескольких ненастных дней подряд моя княжеская шкура оказалась единственным сухим предметом, оставшимся в распоряжении нашего войска.

Мой слуга по имени Немига сидел в углу шатра и трясся от холода. Он натаскал из костра несколько раскаленных камней и, свалив их в кучку, пытался согреться возле них. Увидев меня, Немига попытался встать, но я кивнул ему, чтобы не беспокоился – в низком шатре, сотрясаемом порывами ледяного ветра было не до церемоний.

Хорошо, что шкура большая, в нее можно завернуться целиком, так что наружу торчала только голова. Надо бы выспаться: утром придет боярин Блуд, и мы поедем на встречу, которая еще бог знает чем закончится.

За стенами шатра с обеих сторон слышался треск костров и глухие звуки, характерные для засыпающего военного лагеря: редкое ржание лошадей, гомон приглушенных человеческих голосов, лязг складываемого на ночь оружия. Надо надеяться, что воевода Свенельд позаботился и в эту ночь выставить вокруг лагеря надежную охрану...

Я лег и закрыл глаза. Подходил к концу четвертый месяц нашего военного похода, оказавшегося крайне неудачным. Теперь оставалось только надеяться на то, что мы как-нибудь сумеем до настоящих холодов выбраться из этого северного края и вернуться в Киев. Из тысячи

воинов, вышедших со мной, сейчас в лагере оставалось едва шестьсот человек – чуть больше половины. Что-то будет и с ними на обратном пути?

Я никогда не хотел стать военным. Даже в детстве, когда многие мальчишки мечтают о сражениях и оружии, меня это совершенно не увлекало. Мой папа, правда, носил военную форму, но он был врачом, так что это не особенно считается.

И я стал врачом, хоть и не военным, а гражданским. И все потому что мне куда интереснее было лечить людей, чем калечить их или убивать.

И уж тем более мне никогда не хотелось стать военачальником – об этом можно даже не говорить.

И что же? Пришлось стать, ничего с этим поделать было невозможно.

Не успел я свыкнуться со своим новым и совершенно неожиданным перевоплощением в князя киевского, как ближний боярин Блуд и воевода Свенельд приступили ко мне с разговорами о предстоящей войне. Делать это им было удобно: первое время я избегал проводить время в княжеском тереме среди дружинников и челяди. Слишком уж не уверен я был в себе, слишком многого не знал. Казалось, что любой дружинник и любой слуга может разоблачить во мне самозванца, подставное лицо.

О том, кто я такой на самом деле, знали только три человека: Блуд, Свенельд и Добрыня Новгородский. Эти три человека и сделали меня князем киевским взамен убитого ими же настоящего Владимира. А я что же? Я был как кукла, которой манипулировали эти три человека. Манипулировали в своих целях. Пусть даже эти цели были благими, в чем не было особых сомнений. Что представлял собой подлинный князь Владимир, было слишком хорошо понятно – это чудовище успело натворить немало за время своей короткой жизни.

Став по воле Блуда, Свенельда и Добрыни киевским князем, я не испытывал угрызений совести. Во-первых, от меня все равно ничего не зависело: отказавшись участвовать в авантюре, я был бы попросту умерщвлен. А во-вторых, ясно было мне самому, что я действительно кукла, но манипулируют мной вовсе не здешние «начальники», а та сила, которая забросила меня сюда – в Древнюю Русь, в Киев, да еще при таких трагических обстоятельствах.

Конечно, троице местных «олигархов»-заговорщиков казалось, что действуют они сами, но и они были всего лишь куклами, ничуть не более самостоятельными, чем я – человек, заброшенный сюда из чужого мира.

Однако к роли киевского князя нужно было привыкать, и это был постепенный, не очень легкий процесс. Пусть я как две капли воды похож на убитого Владимира, и даже зовут меня так же, однако масса мелочей могла вызвать подозрение окружающих в том, что князь-то – подменный.

Например, я не умел ездить на коне. Для врача с московской «Скорой помощи» это нормально и естественно. За всю свою жизнь я ни разу даже близко к лошади не подходил – негде было, не случилось. Но для Владимира Киевского неумение скакать на коне оказалось бы разоблачением с первой минуты. Кроме того, я не знал особенностей княжеского обихода, а они ведь были очень сложными. Так уж сложилась европейская история, что чем более развито общество, чем больше в нем культуры и цивилизации, тем свободнее ведут себя люди, тем меньше вся их жизнь подлежит мелочной ежеминутной регламентации.

Оказавшись на Руси X века, я был потрясен обилием обязательных условностей. Незнание их сразу выдавало чужака, иноплеменника. И каждую из этих условностей мне предстояло изучить, чтобы не попадать все время впросак.

Кому и в каких случаях улыбаться?

Кому кланяться в ответ, а на кого не следует обращать внимания.

Пропускать ли в дверях женщину впереди себя?

Можно ли целоваться? Если да, то как? Нужно ли целоваться с мужчинами? С какими? Что это может означать?

Ну и, конечно же, все, что связано с отправлением языческого культа. О том, что человеческих жертв больше не будет никогда, я заявил сразу, в первые же дни своего княжения. Даже не стал советоваться с Блудом и Свенельдом. Впрочем, они, услышав мои слова о человеческих жертвоприношениях, сразу утвердительно закивали. Вообще я заметил, что с этим не было проблем: человеческие жертвы тут были не приняты: их явно принес с собой с севера окаянный князь Владимир.

А уж в лице Добрыни Новгородского я сразу получил мощного союзника – при одном лишь упоминании о кровавом перуновом культе могучий воин трясся от ненависти. Он вспоминал своего сына Всеслава, умершего на алтаре под ножом жреца...

Первые месяцы я старался как можно чаще уезжать из княжеского терема и гостил в домах то у Блуда, то у Свенельда. Они-то были авторами всей затеи с подменным князем, так что отлично понимали – теперь нужно помочь мне адаптироваться в этом мире и на новом месте.

Свенельд учил меня ездить на лошади, владеть холодным оружием и даже пытался рассказывать о здешней военной тактике. Двор был огорожен высоким частоколом, так что с улицы не видно было, как князь Владимир еле держится на смиренной лошаденке, как он смешно подпрыгивает у нее на спине – того и гляди свалится. Немало бы потешались зрители, увидев, как одним легким ударом Добрыня выбивает из непривычных рук князя тяжелый меч...

Блуд же занимался со мной вопросами этикета и вообще местной морали. Из этих уроков я вынес много интересного.

Кланяться князю должны все, но по-разному. Бояре склоняют головы, дружинники, купцы и вообще горожане – в пояс. А землепашцы, лодочники, рыбаки и все прочие – до земли. Князь же в ответ кланяется только боярам и дружинникам, а на поклоны остальных вообще не обращает внимания – он выше этого.

Среди всех других обычаев и церемоний было самое главное: больше всего времени князь должен проводить со своими ближними дружинниками. Даже не с боярами-советниками, а именно с дружиной. Потому что от дружины зависела жизнь князя. Весь первый этаж княжеского терема принадлежал ближним дружинникам. Здесь князь ел с ними, пил с ними, разговаривал и развлекался. Можно было временами подняться на второй этаж, но отлучки не могли быть длительными: князь должен был почти все время быть на виду у дружины – это было условием ее преданности и верной службы. А если ближние дружинники обидятся на князя за что-нибудь – то плохо его дело. Ломаного гроша никто не даст за его жизнь, и княжеский терем под красной нарядной крышей станет для него смертной ловушкой.

В пристройках вокруг княжеского дома, с дверями, выходившими во внутренний двор, обитали и женщины, считавшиеся наложницами князя. Слово «гарем» тут было не в ходу, но дело ведь не в словах. Князь сам выбирал себе наложниц, но обязан был делиться ими с ближней дружиной. Дележка женщин была еще одним символом боевого братства, скреплявшего князя непосредственно с каждым дружинником. Сегодня с этой рабыней-наложницей спал князь, а завтра – самый простой воин. А затем – снова наоборот.

Наложницами были в основном пленницы, захваченные в походах, но можно было и купить девушку за деньги, если особенно понравилась и родители готовы продать. Здешняя религия Перуна, Чернобога и других обожествленных сил природы не имела никакой сексуальной морали, не создавала норм поведения: делай, что пожелаешь и на что способен, только приноси вовремя жертвы богам, чтобы не сердить их...

Скажу прямо: сделавшись князем киевским, мне пришлось пересмотреть свои взгляды на нравственность. Даже не пересмотреть, а, как говорится, положить свои убеждения к себе в

карман. Глубоко и надолго. Нормы морали двадцать первого века тут не работали и даже были бы опасны для их носителя.

У князя имелся гарем, и князь должен был каждую ночь на правах первого среди равных выбирать себе женщину для утех. Три десятка молодых женщин вечером выходили на середину двора, где горел костер, и ждали, кто возьмет их. Естественно, все глаза были устремлены на князя: кого выберет он. Каждая из женщин-наложниц мечтала о том, чтобы хоть на эту ночь ее выбрал сам князь. Потому что если князь останется доволен ее ласками, то что-нибудь может подарить – шелковый платок, или баночку с благовонной мазью, или серебряное колечко. Да и ночь в любом случае пройдет для этой наложницы спокойнее: она будет улаживать одного лишь князя. Это – удача для наложницы, потому что оставшихся после княжеского выбора разберут на ночь дружинники. А их ведь больше ста на двадцать девять женщин...

Было ли мне приятно такое? Часто ли я вожделем? Пожалуй, нет и совсем даже нет.

Во-первых, я попросту не привык так относиться к женщинам. Во-вторых, я часто вспоминал Любаву-Сероглазку, и мне казалось, что я люблю ее. А когда любишь кого-то одного, остальные тебе безразличны. Тем более что мне неприятно было смотреть на наложниц, считавшихся моими.

Образ жизни этих несчастных влиял на их характер. С утра – работа в огороде, расположенном за княжеским домом. Прополка, полив тяжелыми деревянными ведрами длинных овощных грядок. Затем работа по дому, и ее много. Стирка для князя и дружины – все вручную, естественно. Приготовление еды, рубка дров для очага. Вот и вечер пришел. А вечером начинается ночь, когда нужно улаживать разгоряченных пивом и томящихся от безделья мужчин.

Утром все начинается сначала. И так день за днем и год за годом. А когда от такой жизни красота увядала, женщину просто выгоняли со двора. Вот и все, никаких обязательств.

Конечно, такой образ жизни развивал в наложницах далеко не лучшие качества. Вечером они стояли у костра, ожидая моего решения. Кругом возбужденно галдели дружинники, вместе со мной осматривая женщин и давая советы.

– Возьми вот ее, князь, – говорил один, тыча пальцем в стройную половчанку с тонкой талией и чуть раскосыми глазами. – Помнишь, мы захватили ее с караваном за дальними озерами! Ты тогда первым лишил ее девичества!

– Возьми эту! – противоречил другой, выступая вперед и указывая на рослую белокурую красавицу с тяжелыми золотистыми волосами. – Ты взял ее в Полоцке и гнал на привязи за своим конем, чтобы она стала покладистой! Теперь она стала совсем послушной!

Женщины топтались на месте, ожидая моего решения. В их лицах я читал успешную уже укорениться распушенность. Они уже привыкли каждую ночь улаживать мужчин, служить им, угождать своим телом. Безвыходность положения заставила их смириться с той жизнью, которую им пришлось вести. Наложницы глядели на меня, и на их губах играли усмешки, ухмылки, улыбки – зазывные, чарующие, откровенно похотливые...

Но я был вынужден каждую ночь выбирать себе женщину, уводить ее к себе на второй этаж и там овладевать ею. А если бы я несколько ночей подряд избегал этого, сразу поползли бы слухи о том, что князь утратил мужскую силу. А без мужской силы он уже совсем не князь, а близкий кандидат в покойники. Никому такой князь не нужен.

Свои длительные отлучки из терема я по совету хитроумного Блуда объяснял тем, что идут важные переговоры с послами из других стран. И проходят эти переговоры в доме у ближнего боярина.

Отговорка эта вызывала у дружинников энтузиазм – они отлично знали, что переговоры с заморскими послами всегда предшествуют большой войне. А большая война – это удача для воинов. Это богатая добыча: золото, драгоценности, пленники и пленницы. Это сожженные города, потоки крови и бешеный разгул, который никто не имеет права остановить. Ради войны

живет воин, к ней он готовится, ее с нетерпением ждет. Как же не радоваться переговорам князя с послами?

Именно о войне речь и зашла довольно быстро. В какой-то мере мы с Блудом не лгали дружинникам: послов было довольно много, и приезжали они со всех концов света. Но главными в то время оказались те, кто приехал просить защиты с восточных рубежей Руси.

Блуд занимался со мной и политической географией, так что от него мне довелось узнать, что на северо-востоке Русь обрывается Муромским княжеством, которое граничит с сильным и опасным соседом – государством болгар.

– Муромский князь прислал послов, – объяснил мне Блуд. – Тебе нужно принять их. Они привезли дары, но это не так уж важно. Они просят помощи в войне с булгарами.

– А мы должны ее оказать? – неуверенно спросил я. Все-таки мне не доставало поначалу знания особенностей здешней политики.

– Ну как же иначе, – терпеливо объяснял Блуд. – Дары – не важно, но муромская земля платит подати Киеву. Небольшие, но каждую зиму. Каждую зиму приходит обоз из муромской земли, а в нем – подати киевскому князю. Места там лесные, богатые пушным зверем. А за выделанные шкуры ценных зверей в Византии и в Венеции платят большие деньги. Но и это – не самое главное.

– А что еще главнее? – Я старался быть хорошим учеником и слушал слова Блуда внимательно. Пусть даже не всегда понимал его, но принимал к сведению сказанное...

– Главнее то, – ответил боярин, – что Муромское княжество признает свою зависимость от нас, и оно – наш союзник. За это муромский князь твердо рассчитывает на то, что мы будем приходить с военной силой по первому зову, чтобы защищать его. А если мы этого делать не будем, – Блуд усмехнулся, – то мурома станет нашим врагом. Начнут они с того, что разграбят и сожгут Рязань, а потом станут пробираться все ближе сюда, к Киеву. А за муромой двинется эрзя. Отказать в помощи – значит нажать себе опасных врагов. Оказать же ее вовремя – значит еще сильнее привязать к себе мурома и заодно иметь другом инязора Тюштя.

Кто был этот Тюштя, мне предстояло узнать позднее.

Идти в военный поход на Булгарское царство все же пришлось – Блуд, Свенельд и Добрыня попросту заставили меня объявить дружине и народу киевскому, что в самом начале лета рать двинется на Булгарию.

– Как только смерды засеют землю, мы можем идти в поход, – пояснил Блуд.

– И обернуться надо до осени, чтобы успеть к уборке урожая. Иначе народ будет сильно недоволен, так и до голода недалеко.

– Можем двинуться и после уборки урожая, – попытался возразить я. – Пусть люди соберут урожай, а потом уж и пойдем воевать.

Но тут же пришлось устыдиться своего непонимания обстановки. Блуд переглянулся со Свенельдом, и оба засмеялись. Лица у них стали такие, словно они беседовали с ребенком.

– Да, – заметил боярин, покачав головой. – Видно, ты и вправду не врешь и действительно прилетел к нам из другого мира. После сбора урожая наступит зима. Как ты собираешься воевать зимой? Реки замерзнут, плыть по льду мы еще не научились. Наверное, это в твоё время люди плавают по льду, да?

Ага, мне многому придется научиться здесь! В этом мире еще нет дорог, и реки являются единственными средствами коммуникации.

– Но мы можем двигаться по льду, – неуверенно сказал я, уже сам чувствуя, что снова ошибаюсь.

– Пешком? – уточнил окончательно развеселившийся Свенельд. – Там мы будем идти слишком долго. И тащить при этом все на себе – запасы, оружие, продовольствие. Нет уж, так на войну не ходят.

– Но на лошадях, – заикнулся было я в последний раз, и тогда уже оба моих собеседника захохотали.

– А чем ты будешь кормить коней, князь? – покатывались они. – Откуда ты возьмешь корм зимой под снегом?

Словом, мне осталось лишь довериться моим «советникам».

Зато именно я выступил перед дружиной, собранной во дворе княжеского терема. Сам я взобрался на высокое крыльцо с тесовой красной крышей и оттуда строго осмотрел собравшихся. Дружинников было больше сотни, и все они ждали княжеского слова.

За прошедшие месяцы моего «княжения» я успел познакомиться со всей дружиной. Иначе и быть не могло: все время, которое я проводил в княжеском тереме, приходилось быть на виду и возглавлять главное здешнее таинство – общую трапезу.

Ели один раз в день, и это обильное пиршество было не просто обедом-ужином, утолением голода, но имело ритуальный характер. Князь пировал со своими друзьями – дружинниками. Это был сакральный акт. Со стороны князя – знак того, что он считает дружинников своей семьей, а с их стороны – знак верности князю. Знак того, что они не бросят его в битве и не зарежут ночью...

Сейчас все смотрели на меня, и я, покосившись в сторону Блуда и Свенельда, крикнул, что муромский князь Овтай просит помощи от злобных и коварных болгар, которые разоряют его земли. И что нам следует готовиться к походу, чтобы заслужить славу в боях и разорить болгарскую землю.

Для всех присутствующих этого было достаточно.

– Любо! Любо! – закричали дружинники, откровенно радуясь скорой возможности сразиться с врагом. Видно было, что воины заскучали в последнее время. Они только и ждали моих слов о предстоящем походе.

Вообще, находясь в мирной городской обстановке, дружинники сильно маялись от безделья. Единственным развлечением для них была игра, напоминающая наши «городки», когда можно было соревноваться в меткости рук и глазомере. Письменности еще не имелось, так что почитать газеты было невозможно, а до изобретения телевизора оставалась почти ровно тысяча лет.

Зато сборы в поход сразу всколыхнули воинов, они заметно оживились. Хлопот стало много: нужно было приводить в порядок старое оружие, обзаводиться новым, проверять и чинить снаряжение, одежду. В предвкушении грядущих битв в Киеве поднялось настроение.

Кроме дружинников в поход выступало и ополчение. Оно формировалось по подворному принципу – один воин с трех дворов. А отбирать будущих воинов предстояло Свенельду, который с полудня теперь каждый день сидел во дворе своего терема и осматривал рекрутов. Иногда к нему присоединялся и я, чтобы получше узнать тех, с кем предстояло идти в поход.

Кроме сотни княжеских дружинников – профессиональных воинов, в рать включались и все остальные жители Киева и окрестных деревень, а также ополченцы из черниговской земли и других близлежащих краев. Каждый приходил со своим оружием: немногие с мечами, но в большинстве с топорами на длинных рукоятках и с короткими копьями, которыми очень ловко орудовали в ближнем бою.

В ратники шли охотно. Понятно, что всем наплевать было на муромского князя Овтая и на его проблемы с болгарями. Но известно было, что Булгарское царство богато золотом, серебром, что там зажиточные города, в которых есть чем поживиться. Так что воеводе Свенельду оставалось лишь отбирать лучших из тех, кто готов был пойти в поход.

В отличие от моих прежних представлений князь не просто имел право водить войско на войну, а обязан был делать это едва ли не ежегодно. Успешные военные походы за богатой добычей – это было основным условием княжеского правления. Если ты сидишь дома и не ходишь в походы – значит, ты слаб, ленив, не заботишься о своем народе и тебя нужно сменить.

Киевская рать во главе с князем Владимиром, то есть со мной, выступила в поход в начале лета. Календаря тут не имелось, и точно следить за датами я не мог, но, судя по окончанию сева, был июнь. Двадцать пять стругов несли нас сначала по Днепру, а затем и по другим рекам, названия которых я не запомнил. Знал только, что идем мы воевать с Булгарским царством и что проводники – опытные воины, знают дорогу.

Распоряжаться мне приходилось мало: всем руководили боярин Блуд, воевода Свенельд и Добрыня Новгородский, которому после гибели сына не хотелось возвращаться домой, а хотелось сражаться – все равно с кем.

Со стороны моя пассивность выглядела нормально: князь сидит на головном струге и прозорливо всматривается в даль, а его верные помощники руководят конкретными делами похода. Только нам четверым было известно, что князь Владимир – подменный, что он очень плохо ориентируется в жизни здешнего мира и что те, кто называет себя его помощниками, руководят в действительности всем происходящим. До поры до времени меня это устраивало.

Мы плыли по реке, а я мучительно пытался вспомнить школьные уроки истории и географии, чтобы осмыслить события. Вспоминалось плохо и обрывочно, или же мой школьный курс истории страдал серьезными изъянами и грешил против истины. Или был просто крайне неполным.

Царство Волжская Булгария находилось на Волге, в районе нынешнего Татарстана. Это я помнил со школы хорошо. Помнил также, что затем булгары куда-то пропали: скорее всего, ушли на юг, на Балканы, на берег Черного моря, где покорили местных славян и основали новое царство – Болгарское.

– Ну, очень может быть, – размышлял я, сидя на корме струга и вглядываясь в водяной след, остающийся позади. – Может быть, потом булгары и уйдут куда-то. Но сейчас мы идем на них войной, и они весьма прочно сидят на своем месте.

Военный план у нас был такой. Мы плывем по рекам до известного места, где наша рать встречается с союзными ратями, и дальше уже двигаемся вместе – на Булгарию. Союзников было двое: князь муромского народа – инязор Овтай и князь эрзянский – инязор Тюштя. А дальше наши совместные рати двинутся на болгар.

\* \* \*

Из-за крутого поворота реки показался холм, а на нем – громадное городище. Скопление сложенных из некрашенных бревен изб, окруженное высоким частоколом. Крыши домов здесь были двухскатные и точно так же, как в Киеве, не имели печных труб. Огонь разводился внутри дома в каменном очаге, и дым столбами выходил наружу через отверстие в крыше. Только крыши здесь были не тесовые и соломенные, как на Руси, а покрыты сверху дерном.

Городище было большим и казалось довольно неприступным. Со стороны реки частокол вплотную подходил к обрывистому берегу, а с трех остальных сторон имел невысокие бревенчатые башни.

Я уже знал, что это – становище Эрзямас, столица княжества Эрзянь Мастор. Здесь и была назначена встреча с нашими союзниками.

Пристани здесь не было, и наши струги долго причаливали к топкому берегу, сбрасывали мостки на землю. За это время из городища нас успели хорошо рассмотреть: за частоколом виднелось множество голов, а изнутри раздавались резкие протяжные звуки. Уже потом я узнал, что это были позывные тревоги, издаваемые изогнутыми медными трубами. Здешние трубачи умели извлекать из этих труб самые разные звуки.

– Как-то встретят нас? – пробормотал Блуд, всматриваясь в городище.

– Конечно, у нас есть договор, но ведь он мог измениться. Мало ли что...

– Ну, если что... – усмехнулся Свенельд, покосившись на сидевшего рядом Текшоня – муромского посла, который сопровождал нас в походе как гарант соблюдения условий договора. – Если что, мы успеем зарезать Текшоня. Как ты, боярин, готов к скорой смерти?

Текшонь – молодой человек очень красивой наружности, с изогнутыми соболиными бровями и ласковым пухлогубым лицом, больше похожим на девическое, только улыбнулся в ответ, показав белоснежные зубы.

– Великий князь Овтай никогда не нарушает своего слова, – сказал Текшонь. – К тому же я уже говорил, что муромская земля очень надеется на помощь от Киева. Мы исправно платим дань и считаем великого князя Владимира, – он метнул в мою сторону угодливый взгляд, – считаем его нашим другом.

Внезапно Текшонь вскочил на ноги и закричал, указывая в сторону городища:

– Вот он! Вот он идет встречать вас, я же говорил! Это великий князь Овтай идет вам навстречу.

Действительно, ворота распахнулись, и теперь в нашу сторону двигалась небольшая процессия, которую возглавлял человек необычайно крупного телосложения – настоящий богатырь.

Резкие звуки, доносившиеся из-за стен Эрзамаса, перестали быть хаотичными и приняли форму некоей мелодии. Теперь эти трубы ревели в унисон – короткими рыками, переходящими в пронзительные завывания. Успев уже более или менее привыкнуть к музыке этого мира, я догадался, что на сей раз играют нечто, что кажется здесь торжественным, приличествующим случаю.

Мы сошли на берег. Овтай приблизился ко мне, стоявшему посредине между Блудом и Свенельдом, и низко поклонился, коснувшись пальцами земли. Роста муромский князь был действительно огромного – явно за два метра, и очень широк в плечах. Настоящий медведь, о чем, кстати, и говорило его имя. Наверное, он и родился очень крупным, за что родители сразу назвали его Овтаем...

Одет он был в длинную рубаху белого цвета, украшенную красной вышивкой по вороту, и в широкие штаны из зеленой крашеной ткани. В руке Овтай держал резной деревянный посох, которым легко поигрывал при ходьбе. Впоследствии я заметил, что с посохом муромский князь никогда не расставался – это был знак его княжеского достоинства. На вид Овтай был едва ли не моложе меня – чуть за двадцать. Светлая борода его была очень густой и слегка курчавилась, а оставшаяся не покрытой растительностью часть лица была нежно-розового цвета, как у молочного поросенка.

Овтай благодарил меня за то, что я пришел защитить его от болгар, и говорил о том, что будет и впредь верным вассалом киевского князя. Обычные дипломатические заверения, не изменившиеся, по сути дела, за тысячелетия...

– А где инязор Тюштя? – вдруг строго спросил стоявший слева от меня Свенельд. – Здоров ли он? Почему не вышел с тобой вместе встречать нас?

Овтай улыбнулся чуть смущенно и, потупив взор, ответил:

– Но ведь инязор Тюштя не вассал киевского князя, как я. Он – великий князь эрзянский и сказал, что в своей столице не ходит навстречу гостям. Инязор Тюштя ожидает дорогих киевских гостей в своем доме.

Стало ясно, что дипломатический церемониал и протокол появился не в девятнадцатом веке, а существовал даже тысячу лет назад среди глухих и непроходимых эрзянских лесов.

Дворец инязора Тюшти представлял собой одноэтажную длинную избу из некрашенных бревен, в центре которой стояла сложенная из камней печь. Каменная же труба уходила в потолок, отчего в помещении почти не было дыма. До этого мне приходилось видеть печи только дважды: в тереме у боярина Блуда и в тереме киевского князя, то есть в моем. Даже у Свенельда в доме печи не было, а дым из очага уходил вверх через отверстие в крыше. Или не уходил – это уж в зависимости от погоды. Во всяком случае, к задымленным помещениям я уже успел основательно привыкнуть.

Откуда эрзянский инязор узнал о печах? Насколько я смог заметить, и в Эрзямаса печь была только в княжеском доме. В целом эта эпоха в Восточной Европе еще не доросла до идеи печи...

Тюштя оказался рябым сорокалетним мужчиной среднего роста с хитрыми близко посаженными глазами. По своей внешности он сильно проигрывал муромскому князю. Овтай был юным красавцем могучего телосложения, а Тюштя, стоявший передо мной, выглядел немолодым худосочным мужичонкой. Правда, одет он был роскошно: белая рубаха, шитая серебряной нитью, с обильной красной окантовкой, а сверху – небрежно наброшенная шкура черной рыси, застегнутая на плече золотой застежкой.

Тюштя встретил нас у порога своего дома и сразу же повел к столу. Длинный стол был сооружен неподалеку от печки и накрыт белой скатертью с красным и зеленым узором. Я заметил, что именно эти цвета были больше всего в ходу у эрзи и муромы.

Мы сели за стол вшестером. Во главе хозяин дома Тюштя. Рядом с ним я – великий князь киевский – равный союзник. А дальше уже подчиненные люди – муромский инязор Овтай, боярин Блуд, воевода Свенельд и Добрыня – посадник Новгородский.

Посла Текшоня за стол не посадили, он стоял неподалеку, переминаясь с ноги на ногу. Предполагалось, что он может служить переводчиком, если возникнет языковое непонимание между славянами и эрзей-муромой, говорившими практически на одном и том же языке.

На столе в глиняных полотках лежало жареное мясо и круглые большие лепешки из пшеницы, похожие на маленькие солнца. Угощение привлекло мое внимание. Дело в том, что в Киеве еще не знали сковородок, и о лепешках не могло быть речи. Едой было то, что можно сварить в котле или изжарить на открытом огне. Здесь же явно имелись сковородки или что-то в этом роде. Впрочем, как я потом убедился, сковородки имелись лишь в доме инязора.

Девушки-хозяйки в нарядных, вышитых красно-зеленым узором рубахах до пят поставили перед каждым из сидевших за столом по кувшину с напитком. Стаканов или кружек тут не держали, так что пить можно было только через край кувшина, держа его обеими руками. Напиток был хмельной, но слабый – градусов пять, и очень пенистый. Скорее всего, буза из перебродивших злаков с добавленными туда ягодами, чтобы отбить неприятный вкус.

Здесь же за столом и был совместно составлен план предстоящей военной кампании. Наши войска должны были совместно двигаться до реки Итиль и, перейдя ее, углубиться на территорию Булгарского царства. А там уж богатств немерено, а воины булгары плохие, так что против наших объединенных сил точно не устоят...

Стоит ли говорить о том, как мы просчитались. Стоит ли вспоминать о том, что с самого начала все пошло совсем не так, как заранее предполагалось...

Целью похода была вражеская столица – укрепленный город Булгар, который находился от реки Итиль на расстоянии пяти дней пути. Мы переправились через Итиль на плотках, специально сделанных для этого случая, и уже на другом берегу реки подсчитали свои силы. наших сил, приведенных из Киева и Чернигова, было тысяча человек. Еще тысячу выставила Эрзянь Матор во главе с сумрачным Тюштей, постоянно уводящим желтоватые глаза в сторону. А муромский инязор Овтай, несмотря на свою личную могучую силу, привел лишь двести воинов.

Две тысячи двести человек – это сила. Тем более что, по предсказаниям бывалых людей, у булгар вряд ли найдется столько войск, чтобы численно превзойти наши объединенные силы.

Но если наши воины были почти профессионалами, да и вооружены совсем неплохо, то эрзянские и муромские союзники представляли собой крайне плохо организованные толпы земледельцев с топорами. К тому же они двигались на лошадях, а это создавало массу проблем с кормом.

Проводники вели наши войска степью, затем лесными дорогами, а затем снова по ровному пространству – и никакого сопротивления мы не встречали. Попадавшиеся на пути болгарские деревни оказывались безлюдны: при нашем приближении население убегало, уводя с собой скот. Грабить там было нечего, но деревни в обязательном порядке сжигались. Муромские и эрзянские воины сначала шли по домам в поисках людей. Часто они находили стариков, которые не могли убежать со своими, и тогда убивали их. А когда все, кого можно было убить, оказывались мертвы, деревня зажигалась со всех сторон. Огонь перекидывался с дома на дом, и черный дым клубами поднимался к небу.

Никто не пытался остановить убийства и поджоги – такое было в порядке вещей. Мне оставалось лишь смотреть на трупы и пожары и вспоминать, как я сам впервые пришел в этот древний мир – на пепелище сожженного Полоцка...

Око за око и зуб за зуб – это не в Библии придумано. Так бывало всегда, из начала времен. Муромцы и эрзя поступали точно так же, как год назад поступали на их землях вторгшиеся болгарские воины. Это была месть, беспощадная и деловитая.

Булгар оказался неприступной крепостью. Город, окруженный каменными стенами по четыре метра высотой, располагался на возвышенности между двумя речками. Чтобы приблизиться к нему, нужно было сначала форсировать речку, а затем взобраться на стену. А сверху болгары стреляли из луков. Меткости болгарских лучников оставалось лишь завидовать. Их небольшие круто изогнутые луки били стрелами с такой силой, что пробивали деревянные щиты наших воинов.

Киевские, эрзянские и муромские воины плыли через реку, а затем бросались на стену, пытаясь взобраться по ней. А наверху видны были раскосые лица шафранного цвета с иссиня-черными чубами, которые метко целились из луков, прищурив один глаз.

Несколько раз мы с Тюштей и юным богатырем Овтаем собирались на военный совет. Овтаю ничего не нужно было говорить: мы все видели, с какой отвагой он лезет на стены, с какой мощью крушит вокруг себя топором во время вражеских вылазок. Говорить же и предлагать что-либо Овтай был не мастер. На советы он приходил вместе с Текшоном – своим приближенным, которого присылал к нам послом в Киев. Проницательный Блуд как-то сказал мне, что вероятно, Текшонь не просто ближайший слуга Овтая, а нечто большее.

– Недаром этот Текшонь так красив, – усмехнулся Блуд. – Я еще в Киеве заметил, как на Текшона поглядывает Свенельд. Смотри, князь, как бы наш воевода не сманил к себе муромского красавца. Овтай ведь обидится тогда на нас крепко – и прощай союз. Некрасиво получится: пришли на помощь муромскому князю, да и увели у него любовника. Хороша помощь будет!

Побуждаемый словами боярина, я присмотрелся и, к своему изумлению, и вправду заметил, что доблестный воевода Свенельд оказывает знаки внимания женоподобному муромскому послу. Он ласково глядел на Текшона, иногда как бы невзначай брал его за руку, а юный красавчик опускал пушистые ресницы на свои нежно-розовые щеки.

– Убьет тебя Овтай, – как-то раздраженно заметил Блуд Свенельду, когда мы остались в шатре втроем. – Видно, что у них с Текшоном любовь, а тут ты лезешь. Нашел бы ты себе кого-нибудь из наших воинов. Воздержись хоть на время войны, пока мы в походе на чужой земле. Негоже сейчас ссориться с Овтаем.

То, что вызывало у меня отторжение, здесь всем казалось естественным. Воины подолгу находились в походах, часто месяцами не видели женщин. Брака тут вообще практически не существовало, как и понятия супружеской верности. Кого оставлял дома воин? Никого. Кто ждал его из похода? Наложницы. Полно, да ждут ли они кого-то вообще?

Кто был воину братом, другом и любовником? Другой воин, находящийся рядом. С ним делили отвагу в бою, бесстрашие, смерть, кровь, еду. И любовь на кожаной подстилке во время ночного привала – тоже.

Во время одного из княжеских советов Тюштя предложил сделать много плетеных корзин, наполнить их камнями с глиной и забросать этим реку.

– Хоть на время сделаем проход через реку, – пояснил он. – Тогда можно будет быстро подвести воинов с бревном и разбить стену.

Эрзянский инязор подробно показал, что нужно сделать. Он описал корзины и показал бревно, которым десять воинов, взявшись одновременно, могут раздолбить городскую стену и сделать пролом.

Овтай слушал молча, только моргал синими, как летнее небо над нами, глазами. Видно было, что ему легче раздробить голову десяти болгарским воинам, чем понять, о чем тут говорится.

Блуд смотрел на Тюштю с удивлением, будто не понимая. Зато Свенельд оказался очень заинтересован столь оригинальной идеей. Ему казалось, что, если мы сумеем быстро завалить реку и пройти к стенам, это поможет избежать лишних жертв. Плывающих воинов легко было убивать из луков с крепостной стены...

Свенельд сосредоточенно слушал Тюштю, а затем с досадой хлопнул себя по лбу.

– Нет, не получится, – сказал он. – Конечно, ты великий воин, инязор, раз придумал такую хитрость. Но это годилось бы для засыпки крепостного рва. А здесь река с быстрым течением. Все корзины наши смоем сразу же, сколько ни кидай. Не успеем запрудить реку.

Осада наша закончилась довольно плачевно – мы были вынуждены сняться с лагеря и уйти. По правде сказать, ничего удивительного в этом не было: никто из военачальников не ожидал увидеть каменную крепость с башнями. Даже стольный град Киев был окружен деревянным частоколом. А здесь – каменные укрепления, да еще грамотное расположение крепости в рельефе местности...

– Нет, – изрек по этому поводу Добрыня Новгородский. – Стены каменные, воины в кожаных сапогах... Этим нам не взять, не совладать. Если уж покорять кого, так надо искать тех, кто в лаптях.

Обратный путь оказался тяжелее того, каким мы пришли сюда. Как говорится, вход рубль, а выход – два. Воины устали, многие были ранены или больны – от осенней сырости появилась лихорадка. К тому же болгары теперь вели себя иначе, чем прежде, – они уже никуда не прятались, а, воодушевленные своим успехом, сами нападали на нас.

Воевать в лесу болгары не умели, поэтому лесные участки нашему войску удавалось пройти спокойно. Болгары нападали на ровных пустых местах, где могла развернуться их стремительная конница. Со всех сторон внезапно раздавался пронзительный свист, и под эти оглушительные звуки с четырех сторон степи вдруг появлялись темные пятна. Пятна приближались, и становилось видно, что это толпы всадников скачут, поднимая темную пыль копытами коней.

На этот случай тут существовала своя тактика. Наши, муромские и эрзянские воины становились в широкий круг, взяв в центр повозки, волокуши и коней. В центре же оставались мы с инязором Тюштей и боярином Блудом, а Свенельд, Добрыня и Овтай стояли в первых рядах обороняющихся воинов, показывая пример. Наше кольцо ошестинивалось копьями. Первый ряд воинов опускался на колени, выставив вперед копья и уперев их концы в землю. Второй ряд держал копья на весу, уставив острия в неприятеля. А из третьего ряда лучники стреляли в болгар, пытаясь попасть в лицо врагу, потому что кожаные доспехи врага почти не пробивались стрелами...

Булгарская конница с завываниями носилась по кругу, стараясь разорвать наше кольцо, пробиться внутрь. Естественно, много раз это почти удалось, и тогда я крепче сжимал рукоять длинного меча, хотя прекрасно понимал: моего боевого опыта хватит только на то, чтобы славно погибнуть от первого же удара болгарского воина.

Блуд даже не имел при себе оружия, так что ему и хвататься было не за что. По здешним понятиям пятидесятилетний Блуд был стариком, которому негоже братья за оружие...

Кто неизменно поражал меня в те минуты, так инязор Тюштя. Стоя рядом со мной в относительной безопасности, он высоко поднимал свой меч над головой и, крутя им, кричал по-эзрянски, подбадривая своих воинов. Видимо, слова инязора действительно вдохновляли эзрянское войско, потому что в ответ из рядов сражающихся слышались ответные крики.

– Это заклинания богам, – пояснил Тюштя как-то после очередной схватки, когда болгары отступили. – Мои воины знают, что я владею сильными словами. Этими словами я могу повелевать даже богинями. Я кричу, и богини слушаются меня. Это – главное, чем я могу помочь моим воинам в бою.

Сказав это, Тюштя так значительно посмотрел на меня, и его взгляд был таким пронзительным, что я невольно отвел глаза.

– Масторава – великая богиня, – на всякий случай пробормотал я.

Мне уже ясно было, что если в Древней Греции поклонялись Афине Палладе, а в Древнем Риме – Минерве, то на широких пространствах от Киева до верховьев Итиля на севере именно трехголовая мрачная Масторава царствовала над умами людей, вдохновляла на бой с врагом и на военные подвиги. Мастораве принадлежали алтари, ей принадлежали щедрые приношения, и даже кровь жертв – кур, коз, баранов, а иногда и людей...

Отношение эзрянских воинов к своему инязору было действительно почти мистическим. Невысокий и тщедушный Тюштя выглядел отнюдь не богатырем, как красавец Овтай, например. Не было в облике эзрянского князя ничего величественного, но он явно владел каким-то внутренним умением подчинять себе волю людей. Он умел так посмотреть и так сказать, что всем сразу становилась понятна значительность его слов, важность этого человека вообще.

– Меня считают колдуном, – как-то сообщил мне Тюштя.

– А ты колдун? – спросил я. Мне не верилось, что невзрачный эзрянский инязор действительно владеет колдовскими чарами. Хотя как же иначе объяснить его популярность у своего народа?

Тюштя тогда пожал плечами и ничего мне не ответил.

В самом конце обратного пути эзрянское войско покинуло нас. Никто не сказал ни слова: просто однажды ранним утром после тревожной ночевки мы проснулись от громких голосов и лязга оружия. Это инязор отдал команду своим воинам седлать коней.

Тюштя никак не согласовал это с нами. Просто решил, и все. Эзрянские воины деловито собрались в путь...

– Я спрошу у него, что случилось, – попробовал я метнуться к шатру Тюшти, но Блуд остановил меня.

– Не надо, – сказал он. – Киевский князь не должен выяснять отношения с князем эзрянским.

– Почему? – не понял я, но Блуд разъяснил.

– Эзрянь Мастор – крупное государство, – сказал он. – Это не мурома и даже не кривичи с древлянами. Тех мы всегда можем укротить и подчинить себе, если даже вздумают бунтовать или изменить. Но с эзрянами не так. Их очень много, они независимый народ, у них большое войско. Если Тюштя сейчас решил бросить нас и двигаться вперед, то не останавливай его. Может быть, со временем все изменится и вы снова станете союзниками и добрыми друзьями. А если ты теперь пойдешь ругаться с ним, может выйти ссора. А ссора – это надолго.

Я с восхищением посмотрел на Блуда. Вот кто родился прирожденным дипломатом! Выходит, успех человека зависит не только от него самого. И даже не только от обстоятельств. От времени и эпохи – тоже в не меньшей степени. Такой человек, как Блуд, с его способностями и мудростью, в XX веке стал бы министром иностранных дел какой-нибудь огромной страны и

прославился бы на века. Но Блуд родился в Древней Руси, еще не знающей грамоту и не осознавшей себя страной. И такой могучий изворотливый ум зачастую попросту пропадает зря...

– Хотя почему пропадает? – тут же спросил я себя. – А разве весь проект со мной – подменным князем, проделал не именно Блуд? Он! Так что нет – совсем не напрасно живет в своем времени боярин Блуд. И, вероятно, совсем не напрасно появился в этом времени я сам. Вот только бы узнать, в чем тут механизм и в чем смысл...

Оставшись в одиночестве, без союзников, мы переплыли в обратном направлении Итиль и собрались разыскать наши оставленные неподалеку струги, чтобы отправиться в Киев из оказавшегося бесславным похода. В нашем лагере появился уже ставший старым знакомым Текшонь с посланием от Тюшти и Овтая.

Красавчик Текшонь на этот раз по случаю промозглой погоды и ледяного ветра был весь в мехах, он кутался в них, словно женщина. Встреча трех князей была назначена в Священной роще за холмом.

Ранним утром за мной явился Блуд. Выглядел он совсем плохо: отекавшее лицо с набрякшими веками говорило о высоком давлении и о том, что сердце устало справляться с нагрузкой. По своему медицинскому опыту я прекрасно знал, что теперь следует ждать одного из двух: инсульта или инфаркта. Либо сначала не выдержит нагрузки и лопнет сосуд в голове, либо сердечная мышца даст сбой. И я не смогу никак помочь, как не могу и предотвратить неминуемое: ни лекарств, ни аппаратуры у меня не было. А когда я пытался определить уровень давления крови по пульсу и брал боярина за руку, Блуд неизменно смеялся и крутил головой в знак сомнения – он был уверен, что я пытаюсь воздействовать на него колдовскими чарами. А зачем иначе держать за руку?

Медленно, не подгоняя коней, мы съехали с холма к Священной роще. Неподалеку катила свои воды река Итиль-Волга, широкая, плавная, могучая. Будущая великая русская река. Над поверхностью реки и над рощей клубился утренний сырой туман. Мокрый снег и дождь закончились еще ночью, и теперь кругом царила тишина – слышалось лишь чавканье земли под копытами наших лошадей.

Березы в этой роще были похожи на гирлянды. К каждой толстой ветке была привязана сплетенная из гибких веток площадка размером приблизительно метр на полтора. На одном дереве таких площадок могло быть привязано две или три, иногда – четыре. На каждой лежал истлевший или еще разлагающийся труп.

Площадки были такого размера, что человеческое тело не помещалось на них целиком – руки и ноги свисали с боков. Эта Священная роща была эрзянским кладбищем – местом упокоения мертвых. Если, конечно, уместно говорить об упокоении и вообще о покое, имея в виду разложение и гниение мертвых тел на открытом воздухе.

Мы видели такие «кладбища» еще на пути сюда. Тогда Текшонь и объяснил мне, что это такое.

– Можно было бы класть тела просто на землю, – говорил Текшонь. – Нужно ведь, чтобы тела смешались с землей и сами стали землей. Но на земле звери, они растерзают тела и растащат по кускам, а это неправильно. Поэтому лучше всего подвешивать: звери не достанут, а дождь, солнце и ветер сделают свое дело.

Площадки подвешивались таким образом, что могли висеть несколько месяцев. Потом прутья истончались, гнили, и площадка падала на землю, но к этому времени на ней уже оставались только белые вымытые дождем кости скелета и череп.

– Зверь не достанет с земли, – сказал тогда Свенельд, выслушав рассказ Текшона.

– А птицы разве не клюют покойников? Еще как могут ислекать. Сначала глаза, а потом...

– Птицы священны, – возразил муромский посланец. – Птицы клюют наши тела, и частички наших душ переходят к ним. Поэтому мы никогда не охотимся на птиц.

Прежде мне только издали приходилось глядеть на эти своеобразные кладбища – священные рощи эрзянского народа. Теперь же мы с Блудом ехали среди деревьев и вокруг себя слышали поскрипывание веток, которыми были привязаны к веткам площадки с покойниками. Большая часть тел уже истлела и разложилась, но мне все равно казалось, что ноздри ловят трупный запах. Да так, наверное, и было на самом деле...

Тихонько заржала лошадь неподалеку. Овтай и Тюштя поджидали нас чуть в сторонке, возле самой реки. На головах обоих были меховые шапки, по которым стекала влага – с деревьев капало, да и сам воздух был напоен осенней сыростью.

– Мы позвали вас, чтобы попрощаться, – сказал сиплым голосом Тюштя. – Поход наш закончился неудачно, все чуть не погибли. Но я увел свое войско не потому, что предал вас – своих союзников. Просто нужно было спасти воинов, среди них было очень много больных.

– А ты, Овтай? – спросил я муромского князя. – Ты почему ушел от нас? Ведь ты вассал Киева. Почему же ты сбежал вместе с Тюштей? Или ты не дорожишь дружбой киевского князя?

Я впервые разговаривал таким тоном с тех пор, как оказался в роли князя. До этого как-то не решался. А теперь внутри меня словно бы все сложилось, и я действительно ощутил себя киевским владыкой. Задав свой грозный вопрос мрачным голосом, я увидел боковым зрением, как Блуд с уважением покосился в мою сторону. Видимо, он тоже ощутил произошедшую во мне перемену.

– Давайте останемся друзьями, – сказал вдруг Тюштя. – Это я предложил Овтаю следовать за мной. Он твой вассал, киевский князь, тут спору нет. Овтай останется твоим вассалом и впредь, но не сердись на него – Овтай был нужен мне в тот раз. Пусть это будет между мной и тобой, князь Владимир, хорошо?

Голос инязора звучал мирно, успокаивающе. Тюштя явно хотел закончить дело по-хорошему, не допустить ссоры.

Овтай молчал, как молчат испуганные дети, когда старшие разговаривают об их судьбе.

В тот момент я вспомнил слова Блуда о том, что худой мир лучше доброй ссоры и что не следует ссориться с Эрзянь Мастор. Видимо, муромский Овтай – человек совсем еще молодой, неопытный. То, что он находится под влиянием Тюштя, – естественно, ведь они князья родственных народов...

– Овтай – великий воин, – улыбнулся я. – Мы все видели, как он крушит врагов. Пусть Овтай идет с нами в следующий поход.

Весь этот разговор прошелестел едва слышно. С одной стороны, плескалась речная вода, с другой – поскрипывали площадки с трупами на деревьях Священной рощи. За дальним холмом, поросшим лесом, поднимались дымы – это с утра затапливали очаги в становище Эрзямас...

– Князь Владимир, – внезапно произнес Тюштя. – Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз. Давай отъедем в сторону.

Блуд тревожно взглянул на меня, но что мне оставалось делать? Отказаться? Но почему? И нужно ведь было узнать, чего хочет своенравный и уверенный в себе эрзянский инязор.

Мы отъехали в сторону и некоторое время молчали: я – выжидательно, а Тюштя – явно в растерянности.

– Не знаю, как спросить у тебя, – наконец произнес он. – Хоть и готовился к этому разговору... Скажи мне, князь, ты ведь бывал на далеком севере, на берегах холодного северного моря? Говорят, что ты пришел в Киев из северных земель, от викингов? Они ведь были в твоем войске, да?

– Были, – кивнул я. – Но всех викингов я отослал из Киева.

Лицо Тюштя стало напряженным, а взгляд тусклых глаз потемнел.

– Князь, – сильным от волнения голосом сказал он. – Спрошу тебя прямо: ты бывал в Санкт-Петербурге? Этот город ведь стоит прямо на твоём пути из северных земель. Ты не мог его миновать.

Так вот оно что! Вот о чём хотел спросить меня и не решался инязор Тюштя!

Он смотрел на меня в упор, и я видел, как подрагивают от волнения его ресницы. Он ждал моего ответа. Свой вопрос он, конечно, обдумал заранее. Если перед ним человек, никогда не слышавший о Санкт-Петербурге, он просто отмахнется. Скажет – шел другой дорогой, не помню такого города.

И никаких подозрений.

– Я был в Санкт-Петербурге, – медленно, не сводя глаз с лица инязора, ответил я. – Но не в тот раз, когда шел на Киев, а гораздо раньше. Я ездил туда на экскурсию, когда учился в школе. И потом еще несколько раз, когда был студентом. А ты, инязор, давно из Петербурга?

Несколько секунд мы помолчали. Слишком уж внезапно случилось узнавание. Тюштя, вероятно, имел только смутные догадки насчет меня и не был до конца уверен. Потому и подбирался так сложно к своему вопросу...

Внезапно с реки подул сильный ветер – холодный и резкий, признак близкой зимы. Трупы заскрипели сильнее, раскачиваясь на ветру. Деревья в Священной роще раскачивались.

– Я никогда не бывал в Петербурге, – тихо сказал инязор. – Родился в Арзамасе, учился в Казани... В Петербург всю жизнь хотел съездить, но денег не было – семья большая, где тут скопить. Да я просто так вас спросил. Все думал, как подступиться, вот и решил, что если вы про Петербург меня поймете, то значит, я насчет вас прав.

Эрзянский инязор качнулся в седле и вдруг чуть заметно усмехнулся.

– Впрочем, я же не представился. Пашков Василий Иванович, инспектор сельских и церковных школ Арзамасского уезда.

– Румянцев Владимир Семенович, – поймав его вопросительный взгляд, пробормотал я. – Врач-терапевт...

– Владимир Семенович, – задумчиво повторил за мной Пашков-Тюштя, качая головой в громадной меховой шапке.

– Ну да, – хмыкнул я. – Имя-отчество как у Высоцкого. Высоцкий тоже был Владимиром Семеновичем.

Эту присказку я говорил с детства, меня так научили родители.

– Высоцкий? – переспросил инязор и пожал плечами. Потом недоуменное выражение на его лице сменилось озарением.

– Вы из какого года? Откуда вы?

Когда я ответил, Василий Иванович озадаченно крякнул:

– Однако... Две тысячи двенадцатый. Даже сказать-то страшно.

Мне стало смешно от этих слов.

– А жить в десятом веке вам не страшно? – засмеялся я, обводя рукой висящие трупы на деревьях. – А вот среди этого жить вам не страшно? Вы сами-то из какого года?

– Первого мая тысяча девятьсот четвертого года, – негромко доложил Василий Иванович и откашлялся. – Ехал в село Аршиново с проверкой. Лошадь вдруг зафыркала и стала. Я думал, что-то с подругой. Вышел посмотреть, да тут слабость вдруг накатила... А когда очнулся, то был уже Тюштей – здешним инязором. Пришлось привыкать. Нда-с...

Василий Иванович Пашков родился в зажиточной и очень набожной мордовской семье неподалеку от Арзамаса. Когда мальчик закончил четырехклассную школу в деревне, отец послал его учиться дальше – в Казанскую инородческую семинарию. Было такое специальное учебное заведение для подготовки национальных кадров – учителей и священников. Потом обычная карьера сельского педагога, большая семья, домашние заботы. А в сорок три года

Василий Иванович вдруг провалился во времени и оказался в десятом веке так же стремительно и неожиданно, как это произошло со мной.

– А как вы стали инязором, почтеннейший? – поинтересовался я. Неужели и здесь, в эрзянских лесах, произошла точно такая же история, как со мной в Киеве?

Но нет...

– Очень даже просто все было, – пояснил Василий Иванович. – Очнулся в лесу, пока огляделся, пока то да се... Потом уж двинулся куда глаза глядят, да так и вышел напрямик к Эрзамасу. Конечно, я не сразу понял, что попал на то же место, где всегда жил, только на тысячу лет раньше. Не сразу понял, что Эрзамас – это как раз то, что потом станет Арзамасом – моим родным городом. А там не успел я оглянуться – толпа навстречу валит, все кричат, радуются... Это меня народ встречал!

Оказывается, был у них здесь князь по имени Тюштя, – продолжал Василий Иванович. – Ну, судя по рассказам о нем, негодный был человечиска. Недоумок, одним словом. Он как раз бузы тутошней перепил и помер за полгода до моего появления. Его снесли сюда, в Священную рощу, все чин чинком, он истлел, как положено. А через полгода вдруг я появляюсь собственной персоной, и все сразу признают во мне того самого Тюштю. Воскресшего, чудесно вернувшегося с того света. Вот и пришлось мне привыкать к роли вождя. Меня теперь все колдуном считают, раз я после смерти вернулся. Ну, и чудесами я, конечно, народ иногда балую – то самогону сварю и дам попробовать, то печку научу сложить. Тут до меня печек и не знали, а теперь понемногу стали присматриваться, как я у себя в доме соорудил. А пшениные оладьи? Это же старинное эрзянское блюдо, у нас в селе их все хозяйки готовили. А тут не умели еще делать, так я научил.

Василий Иванович пристально взглянул на меня.

– А ты тоже был на князя Владимира похож как две капли воды? – спросил он. – Как я на Тюштю?

Я согласно кивнул, и инязор поинтересовался:

– Тот тоже помер, да? И тебя князем признали взамен умершего?

Мне оставалось лишь молча кивнуть, не вдаваясь в подробности. Врать не хотелось, тем более чудом встреченному почти что современнику, и уж точно – товарищу по судьбе. Но ведь и не рассказывать же о том, как на моих глазах зарезали князя Владимира, каким бы он ни был? Не стоит об этом распространяться.

Послышалось чавканье лошадиных копыт по размокшей земле, и к нам подъехали Овтай с Блудом. Овтай был в овчинном одеянии мехом наружу, а Блуд до горла завернул свое тучное тело в шерстяной плащ темно-красного цвета, отчего сразу стал напоминать мне древнего римлянина-полководца.

Лица обоих были тревожны – мы слишком долго разговаривали наедине с эрзянским инязором.

Тюштя мрачно покосился в сторону помешавших нашему разговору, а я, поймав испытующий взгляд боярина, улыбнулся.

– Нам нужно еще кое-что обсудить с инязором, – сказал я. – Еще совсем немного осталось вам подождать. Мы не договорили о самом главном.

– На будущий год ты пойдешь войной на Корсунь, – заметил Василий Иванович, когда мы снова остались с ним наедине. – Возьми с собой Овтая. Парень рвется в бой, а кроме этого, все равно ни к чему не способен. Послал же бог муромскому народу такого глупого князя. Когда я учился в семинарии в Казани, мы очень интересовались, куда девался муромский народ, отчего он вымер и смешался с нами – эрзянами. Никто не знал ответа. Теперь-то я знаю причину, – усмехнулся Тюштя-Василий. – С такими князьями любой народ перестанет существовать.

– Овтай могуч, как дуб, и храбр, как лесной медведь, – повторил я слова, которые муромский инязор часто говорил сам о себе.

– Ну да, это правда, – согласился Тюштя. – Только глуп. Пусть лучше идет с тобой в поход на Корсунь – это всем будет полезнее.

– Откуда ты знаешь, что я пойду в поход именно на Корсунь? – спросил я. – И что такое эта Корсунь? Никогда не слышал. А тебе откуда известно?

В разговоре мы теперь свободно переходили с «вы» на «ты» и обратно, потому что не могли сами для себя решить: мы князя киевский и эрзянский или врач и школьный инспектор...

– Откуда мне известно? – усмехнулся в длинные сивые усы Василий Иванович. – А вы, юноша, в гимназии историю не проходили? Или в вашем две тысячи двенадцатом году уроки истории отменили? Или вы реальное заканчивали? Ну, там с историей похуже, но все-таки странно не знать про такое...

Удивительно было наблюдать, как заросшее полуседой бородой угреватое лицо инязора вдруг преобразилось, и в голосе Тюштя прорезались забытые, видимо, им самим педагогические нотки.

– Корсунь, сударь мой, – заметил он, – суть город на Черном море, известный нам под названием Херсонес. И этот греческий город взял штурмом князь киевский Владимир. А взяв его штурмом, был осиян Святым Духом и просвещен Им. Отчего в том же городе Корсуни принял святое крещение от руки греческого иерея. Вы что, юноша, и в Законе Божиим этого не проходили?

– У нас в школах нет Закона Божьего, – пробормотал я, ошарашенный услышанным почти что предсказанием.

– Нет Закона Божьего? – удивленно переспросил Тюштя, а потом вздохнул: – Впрочем, чему же удивляться? Вот до чего довели Россию нигилисты... А ведь лучшие умы говорили, предупреждали. Злонравия достойные плоды!

– А вы тут зато трупы по деревьям развешиваете, – не к месту, но от смущения брякнул я. – Тоже вряд ли очень христианское дело.

– Я служу своему народу, – отрезал Тюштя. – Тому и такому народу, каков он есть сейчас. Стараюсь развивать его, чтобы приготовить его к лучшему будущему. Не могу же я в один миг объявить, что все языческие предрассудки отменяются и так далее. Тут даже моего колдовского авторитета не хватит.

Он вскинул голову, и тусклые глаза вдруг блеснули.

– А вам, юноша, – сказал он, – предстоит великое дело. Вы станете крестить Русь! И через Русь будут крещены все другие народы в этой части света. И мой эрзянский народ – тоже, хотя и со временем. Но начнете этот великий подвиг именно вы.

Тюштя помолчал, как бы спрашивая себя о чем-то, а затем озадаченно заметил:

– Странно, что для такого дела избран человек, который даже не проходил Закон Божий...

Вот именно в этом месте мы подошли к самому интересному. Все время с того самого момента, когда я внезапно оказался в Киевской Руси, меня не оставляла эта мучительная мысль: что произошло? Что это, какая неведомая сила забросила меня сюда? Для чего, с какой целью?

С кем я мог обсудить все эти вопросы? И вдруг такая чудесная встреча!

– Да, Василий Иванович, – волнуясь, начал я. – Вот вы сказали про то, что я избран... И вы, вероятно, тоже ведь избраны, не так ли? Ну вот, а что вы думаете о том, что с нами произошло? У вас есть какое-то объяснение?

Господин Пашков несколько мгновений тяжело молчал, подергивая поводья уставшего стоять на месте коня.

– Я здесь уже третий год, – наконец сказал он задумчиво. – Было у меня время подумать обо всем. Теперь мы можем с вами сравнить наши мысли и прийти к какому-то выводу. Так вот... Вы – русский?

Я кивнул, и Василий Иванович впервые за время нашего разговора улыбнулся.

– Ну вот, – заметил он. – А я мордвин. То есть мордвой нас русские называют, а на самом деле я эрзянин. Думаю, что в истории каждого народа есть такие поворотные пункты, которые особенно важны для дальнейшего развития. Для того, чтобы картина мира сложилась правильно.

– Что значит – правильно? – перебил я. – Правильной картиной мира вы называете ту, которую мы с вами знаем? Но, может быть, мы знаем далеко не самую правильную картину мира.

– Не перебивайте, – сурово оборвал меня собеседник. – Видно, в вашей гимназии в две тысячи двенадцатом году вас не учили также и правилам ведения беседы. Ведь не учили?

– Не учили, – вздохнул я.

– Так вот, если в поворотный момент истории на ключевом месте оказывается недостойный человек, его заменяют нами. Видимо, выбирается какой-то потомок этого человека, которого надо заменить. Такой потомок, который внешне похож как две капли воды. Очень может быть, что внешность людей повторяется буквально через десять или двадцать поколений. Особенно если это прямые потомки. Ведь может такое быть?

– Может, – кивнул я. – Но в чем смысл такой замены? Вы считаете себя наиболее подходящей кандидатурой в вожди эрзянского народа? А я что же – идеальный персонаж для управления Киевской Русью? Не смешите меня! У нас с вами нет для этого ни опыта, ни знаний, мы в чужом мире, как слепые котятка...

Василий Иванович поднял руку, давая понять, что имеет возразить нечто важное. Наверное, так было принято в то время, откуда он прибыл...

– У нас есть главное, – сказал он. – У нас с вами есть знание о том, что именно и как должно произойти в истории. В этом смысле мы устремлены в будущее. Даже несмотря на то, что вы не знали о предстоящем походе на Корсунь и о том, что вам следует крестить Русь и стать Владимиром Святым. Пусть вы не знали об этом, но все равно, вы – сын христианской цивилизации, сын русского христианского народа, и это знание руководит вашими поступками.

Так же как я знаю твердо, что эрзянскому народу никогда не стать великим и никогда не решать свою судьбу. Но я знаю, что эрзя станут христианами, что эрзя будут жить и процветать в составе великой России. Уже поэтому я никогда не приму магометанства, чего бы очень хотела Булгария.

Мы ведь из-за этого и воюем все время. Булгары приняли ислам и хотят обратить в ислам и нас – эрзю, мурому. Стоило бы нам принять ислам, и вопрос с набегами булгар был бы решен – нас бы оставили в покое, как единоверцев. Кстати, я узнал, что мой предшественник, тот самый настоящий покойный инязор Тюштя, как раз очень даже склонялся к принятию ислама. А что ему? Его и винить за это нельзя. Почему бы и нет? Он ведь не был из будущего времени, как мы с вами, и не мог знать о том, что эрзянскому народу предназначена другая судьба – быть с христианской Россией, а не с растленным Востоком.

Длинная и горячая речь Василия Ивановича поразила меня: вот уж не ожидал такой убежденности от этого невзрачного на вид человечка. Ан нет, оказывается, он совсем не таков, как кажется. Может, и правда, его не случайно избрали...

– Растленный Восток, – повторил я последние слова инязора. – Слова-то какие... Это вас в семинарии научили так выражаться?

Господин Пашков посмотрел на меня, прищурившись.

– Знаете, – запальчиво сказал он. – Судя по отдельным вашим высказываниям, в ваше время победили нигилисты. Только они могут так уродливо сформировать сознание молодого еще человека. Ведь правда, что победили нигилисты?

– Нигилисты, – вздохнул я. – Что нигилисты! Спустя всего немного лет после вашего «отъезда» на нашей с вами родине победили такие люди, по сравнению с которыми так называемые нигилисты – это просто ученики воскресной школы. Но не будем об этом – сейчас не время. Скажите лучше, кто всем этим занимается. У вас есть какие-то мысли по этому поводу? Догадки? Кто нас с вами сюда забросил? Кому это надо, кто на это способен? Что это за силы, которые забросили нас сюда?

Мой собеседник помрачнел и отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Не знаю. Не Бог ведь...

– Но ведь и не Дьявол? – уточнил я, криво усмехнувшись. Все это уже приходило мне в голову.

– Не знаю, – повторил Тюштя. – В одном лишь нет сомнения: когда-нибудь мы все это узнаем, нам это предстоит. Если уж мы стали чьими-то игрушками, то хозяин когда-нибудь появится.

Он обернулся и взглянул на наших спутников неподалеку.

– Нас заждались и нервничают, – промолвил Василий Иванович. – А нам с вами больше нечего сказать друг другу. Я остаюсь здесь и буду делать то, что должен. А вы отправляйтесь в свою столицу и делайте то, что назначено вам. Прощайте, Владимир Семенович.

Я совсем было уж собрался протянуть ему руку на прощание, но вовремя одернул себя: этот жест здесь был совершенно не принят, а за нами наблюдали, хоть и издалека...

Я тронул застоявшегося коня и успел отъехать несколько шагов, когда Тюштя окликнул меня сзади.

– Послушайте, – сказал он. – Только вот... Ответьте мне на один вопрос. Чем закончится война?

– Какая война? – не понял я сначала.

– Ну, вот эта, – смущенно пояснил Василий Иванович. – С Японией, какая же еще? Мой старший сын служит мичманом на флоте. За день до того, как отправиться сюда, мы с матерью получили от него письмо о том, что его корабль включен в эскадру адмирала Рождественского и она скоро отправится к театру военных действий. Вот я и волнуюсь и спрашиваю у вас: мы победим в этой войне? Вы же должны знать!

Я покачал головой.

– Россия проиграет эту войну, – негромко сказал я и, отвернувшись, ударил каблуками сапог по бокам лошади. Теперь хотелось уехать поскорее. Не рассказывать же инязору о том, что его сыну-мичману предстоит сражение при Цусиме, где погибнет весь русский флот. Тюште в его эрзянских лесах десятого века об этом незачем знать...

## Глава 2

### Тризна

Весть о нашем возвращении достигла Киева раньше, чем наши струги показались перед городом. Видимо, рыбаки из окрестных сел успели заметить нас и предупредили людей в столице о том, что князь Владимир с дружиной вот-вот ступят на землю.

На пристани собралась громадная толпа встречающих. Тут были матери и жены воинов, а также все праздные люди, вышедшие поглазеть на вернувшуюся рать.

Оркестр был тут же, и при устрашающих звуках медных труб, железных трещоток и деревянных букцин мне снова захотелось зажать уши. И эта какофония здесь называлась музыкой!

«Хорошо бы научить местных музыкантов исполнять «Прощание славянки», – мелькнула у меня шальная мысль, но я тут же прогнал ее. Во-первых, я не смогу воспроизвести мелодию и научить ей, а во-вторых, для неподготовленного уха людей десятого века этот щемящий и трогательный марш наверняка будет звучать так же дико, как для меня «музыка» здешнего оркестра...

Пока причаливали и воины со стругов сбрасывали мостки на пристань, я огляделся. В каком-то смысле я уже успел привыкнуть к этому миру и к своему положению в нем. Теперь я, князь киевский, с удовлетворением глядел на столицу своего государства и на столпившихся для встречи подданных.

Вот в центре большая группа в доспехах, сверкающих на солнце, – это та часть дружины, которая осталась охранять Киев. Рядом еще одна группа в ярких нарядах – это мои наложницы из терема. Они принарядились и тоже выбежали на пристань. Каждая из женщин надеется, что именно ее я сегодня выберу и приглашу на второй этаж...

Что ж, посмотрим.

Встречал нас главный жрец Жеривол. Как ни старался я все последнее время уговорить себя, что глупо злиться на язычников за то, что они язычники, все же этот человек продолжал вызывать у меня глубокую неприязнь. Я не мог забыть, с каким явным наслаждением этот мускулистый и упитанный человек вонзал жертвенный нож в грудь мальчика Всеслава. Отнюдь не благоговение перед богами было написано в тот миг на его лице, а только лишь неприкрытое садистское сладострастие. Этот человек стал жрецом для того, чтобы убивать...

Стараясь перекричать пронзительные звуки музыки, Жеривол пояснил, что в Киеве нас уже устали ждать из похода и что народ сильно волновался.

Неужели вся рать вместе с князем погибла в Булгарии? Ведь мы собирались вернуться раньше, а теперь долгая задержка с каждым днем вызывала у народа все большее беспокойство.

Народ расступился, и по образовавшемуся проходу мы поднялись в город, направляясь к терему.

На площади стоял каменный алтарь с высокой деревянной статуей грозного Перуна, и здесь мы остановились. Толпа, следовавшая за нами с берега, растеклась по площади полукругом. Рядом со мной стояли Блуд, Добрыня Новгородский, Свенельд, а Жеривол все продолжал свою речь.

– Мы решили, что для вашего счастья нужно упросить богов помочь вам вернуться, – говорил он, и его карие глаза сверкали. – Поэтому было решено принести жертву Перуну Великолепному и Могущественному. В его силах было вернуть любимого князя домой.

Жеривол говорил все это, пристально глядя мне в глаза, и голос его звучал вкрадчиво и угодливо, но я не строил никаких иллюзий. Этот жилистый человек в расцвете лет любил власть и любил убийство больше всего на свете. Если придет нужный час, он вскроет грудную клетку своему князю с точно такой же легкостью, как делает это с другими всю свою жизнь.

– Теперь князь с дружиной вернулся домой, – продолжал Жеривол. – И мы должны поблагодарить Перуна за это. Ты ведь благодарен Перуну, князь?

Жеривол кричал все это громко, чтобы слышали все окружающие. Я оглянулся вокруг, выхватив из толпы несколько лиц.

Боярин Блуд стоял рядом с совершенно безучастным видом. Последние дни он чувствовал себя все хуже и хуже, так что нечего было удивляться его безразличию. Свенельд слушал жреца с удовлетворенной улыбкой – он явно соглашался с тем, что говорил Жеривол. Что касается Добрыни, то лицо его оставалось мрачным, как почти всегда. По крайней мере, я знал причину озлобления новгородского посадника – Добрыня никак не мог примириться с тем, что случилось с его малолетним сыном.

«А ведь Всеслава принес в жертву именно Жеривол, – подумал я осторожно, чувствуя, как мысленно хватаюсь за некую спасительную идею. – Интересно, знает ли Добрыня о том, кто убил его сына? Наверное, люди уже рассказали ему. Надо думать, Добрыня вряд ли питает к верховному Перунову жрецу теплые чувства. Вот и союзник у меня есть...»

Перед алтарем был сложен костер, который теперь запалили. Пламя слегка поиграло, разгораясь и схватывая дрова, а затем занялось – столб дыма поднялся к небу.

Не дожидаясь моего ответа, Жеривол стремительно скинул с себя парчовый наряд, и остался обнаженным по пояс. Его мускулистый торс и могучие мускулы были мне неприятны – в этой демонстрации грубой силы я видел неприкрытую агрессию и желание повелевать. Какое-то бесстыдство виделось мне в этой фигуре.

Он взмахнул рукой, и заиграла музыка. Взревели длинные трубы, загремели трещотки, заухал барабан. Протяжные звуки перемежались короткими, отрывистыми, и как ни вслушайся, мелодию было не уловить. Да и не было никакой мелодии: музыка должна была устрашать и подавлять волю – в этом и состояло ее назначение.

Жеривол пружинистой походкой пошел по кругу у запылавшего костра. Он приплясывал – сначала медленно, а затем все быстрее. Из одежды на жреце были только широкие шаровары синего цвета, а на голове – высокий колпак с вшитой сверху золотой звездой. Ноги, обутые в сапожки из мягкой кожи, двигались все быстрее, затейливее. Жеривол пустился в пляску вокруг костра, под устремленными на него взглядами сотен столпившихся людей. Здесь были все: воины, вернувшиеся со мной из похода, женщины – наложницы из терема, бояре и киевские жители, пришедшие присутствовать на встрече князя.

Всем здесь, и мне в том числе, было ясно – готовится очередная человеческая жертва Перуну.

Когда в Киеве тревожились о том, почему так долго не возвращается рать, ушедшая в Булгар, жрецы с Жериволом во главе решили принести жертвы богам, и Перуну в первую очередь. Теперь же появился другой повод. Но в любом случае жертва должна была быть умерщвлена...

Жеривол плясал и пел, обращаясь к Перуну. Через некоторое время его тело покрылось капельками пота, которые блестели, освещаемые пламенем. Люди вокруг стояли молча, изредка негромко переговариваясь. Видно было, что они зачарованы готовящимся сакральным действием.

На площадку перед алтарем вытащили трех человек. Молодые жрецы, тоже обнаженные по пояс и бритые наголо, держали за руки двух молодых мужчин и одну женщину. Все трое были полураздеты, дрожали от ужаса и выглядели подавленными. А как будет чувствовать себя человек, которого через минуту-другую принесут в жертву богам?

Толпа задвигалась, зашевелилась. Все смотрели на тех, кого сейчас зарежут у них на глазах.

Один из мужчин выглядел совсем мальчиком, я это сразу разглядел. Детское лицо с припухлыми губами, отсутствие бороды и испуганные расширившиеся глаза. Где-то я видел

этого юношу? Припомнить не смог и перевел взгляд на женщину. Боже, да это ведь несчастная Рогнеда! Мало ей уже досталось в жизни! Дочь великого полоцкого князя Рогвольда сначала попала в плен к чудовищу – моему «предшественнику» Владимиру. Настоящему Владимиру, которого сменил я, но превращаться в которого не собирался ни в коем случае. Затем она попала в дом к боярину Блуду, после чего я и потерял ее след. А теперь она снова в руках Жеривола. Он до нее все-таки добрался!

Бледная Рогнеда со спутанными длинными волосами еле стояла на ногах. Она была в платье из грубой холстины, не закрывавшем колен, босая, и лицо ее ничего не выражало, кроме покорности судьбе. Казалось, она безумна и не понимает происходящего...

А третьего человека я сразу узнал и был потрясен. Вот тебе раз – это был мой старый знакомый Канателень, который был когда-то влюблен в Любаву. Если в этом мире допустимо говорить о влюбленности, конечно. Еще бы мне его не узнать – ведь Канателень пытался все-раз быть моим соперником!

Но что делает здесь Канателень, как он вообще сюда попал? Ведь его вместе с другими воинами, помогшими Владимиру утвердиться в Киеве, выслали подальше – такова была благодарность коварного князя. Выслали их всех, а кстати, вместе с ними и Любаву, мою милую Сероглазку, о которой я с тех пор ничего не знаю...

Зловещая пляска Жеривола замедлилась. Широкий стальной нож тускло поблескивал в его руке...

– Мы что, позволим ему убить этих троих? – повернулся я к Блуду. – Мы будем смотреть, как Жеривол зарежет трех невинных людей?

– Только невинных и нужно приносить в жертву, – безучастно ответил Блуд. – Зачем Перуну или любому другому богу преступники? Бога можно почтить, только пролив на его алтарь невинную кровь...

Он говорил все это, еле шевеля губами, и глаза его были полуприкрыты. Видно было, что боярину совсем плохо и нет дела до того, что сейчас произойдет.

– Но среди жертв – Рогнеда, – заметил я. – Ты же взял ее к себе в дом, Блуд! Разве Жеривол мог в твое отсутствие и без твоего согласия забрать твою наложницу?

Но боярин только махнул рукой в ответ и снова прикрыл глаза тяжелыми веками. Последние дни пути окончательно сломили волю этого человека и убили в нем интерес к жизни. Сделать с этим я ничего не мог: высокое давление и сердечная недостаточность лечатся только сложными медицинскими препаратами, изготовить которые в здешних условиях я не мог...

Но главное Блуд мне все же сказал. Теперь решение зависело от меня самого.

Не дожидаясь, пока смолкнут трубные звуки и пока Жеривол окончательно завершит свою пляску, я вышел вперед. Положив руку на рукоять меча, висящего на кожаной плечевой перевязи, я вплотную приблизился к жрецу, который при виде меня замер на месте.

От Жеривола воняло потом, он был разгорячен пляской, а глаза его смотрели на меня с безумным выражением. Видимо, жрец уже предвкушал скорое пролитие человеческой крови и теперь был невменяем.

Музыка смолкла.

– Жертва не может совершиться, – громко сказал я, стараясь придать своему голосу твердость.

В толпе произошло шевеление. Жеривол, тяжело дыша, глядел на меня, и к нему медленно возвращалось сознание.

От моего поведения, от моей выдержки в ту минуту многое зависело. Верховный жрец – это человек, который говорит с богами. В каком-то смысле он стоит если не выше князя, то вровень с ним. Пусть не в государственных делах, но все же...

Князя приходят и уходят. Они умирают, погибают, их поглощает вечная тьма. А от воли богов, от их расположения зависит вся жизнь людей. Если боги разгневаются, они нашьют

неурожай. Или моровую болезнь, от которой нет спасения. Или отнимут боевую удачу, и киевские рати будут терпеть поражение за поражением. Все это – в воле богов. А как их убогатить и что для этого нужно, знает только верховный жрец.

За кем пойдет народ? За князем, который всего лишь простой смертный? Или за жрецом – любимцем грозного Перуна?

– Ты приготовил плохие жертвы, Жеривол, – крикнул я. – Так мы не сможем добиться благосклонности Перуна! Разве нужны ему вот эти люди? Разве напьется Перун кровью этих людей?

Я понимал, что от моего напора сейчас зависит многое, и не только жизнь этих троих. Впервые я вступил в непосредственный конфликт в этом мире, и рядом со мной не было Блуда или других советчиков. Никто не мог мне помочь или помешать. Сейчас я впервые выступил самостоятельно, как настоящий князь.

Вот и проверим, каков ты на самом деле, Владимир Семенович! Посмотрим, что ты представляешь собой как личность, и не напрасно ли неведомое Нечто забросило тебя сюда!

– Твой князь с дружиной вернулся из похода! – кричал я. – Это был тяжелый и опасный поход, Жеривол! Вот мои воины, они стоят рядом. Взгляни на них и спроси у них, был ли поход трудным! Скольких смелых друзей мы потеряли в боях, скольким опасностям подвергались! Спроси их, Жеривол!

Не ожидавший такого напора жрец ошарашенно молчал. Он еще не успел прийти в себя, но сейчас придет, и очень скоро. Так что надо спешить!

– После всех битв мы вернулись домой, – продолжил я, стараясь придать своему голосу как можно больше твердости и немного безумия, которое, как я успел заметить, тоже ценится в правителях. – И мы хотим принести богам благодарственную жертву! Мы имеем на это право! Да? – воскликнул я, обращаясь на сей раз к толпе дружинников. – Мы имеем право благодарить Перуна?

– Да! – взревели воины, вспомнившие о тяготах похода и о погибших товарищах. – Да! Мы имеем право благодарить богов!

К воинам присоединились все остальные, включая их жен и матерей. Еще бы, разве не прав князь? Разве Перун не заслуживает самой большой благодарности от вернувшихся из похода?

Выждав, когда вой закончится, я снова заговорил, на сей раз уже куда веселее:

– И ты хочешь подсунуть богам вот этих людей в жертву? Этим жалким преступников? Так-то ты чтишь богов, Жеривол! Ты – верховный жрец и должен был приготовить к нашему возвращению нежных невинных дев и отроков, едва оторванных от материнской груди! Вот чьей крови жаждут наши боги! А что сделал ты? Вот, оказывается, как чтишь ты богов и самого Перуна-Громовержца!

С моей стороны это была чистейшая демагогия. Хоть я простой врач и не искушен в политической жизни, но из немногих прочитанных на эту тему книжек знал, как называется то, чем я сейчас занимался. Демагогия и извращение, вот как!

И у меня получилось! Политиканы всех времен и народов рукоплескали бы мне в ту минуту!

Мне удалось обвинить самого Жеривола в том, что он недостаточно чтит богов. И более того, он недостаточно чтит своего князя и киевских воинов! А как же! Раз пожалел невинных жертв, а подобрал где-то босяков и хотел предложить их кровь добрым богам!

А что может быть лучше для того, чтобы вызвать ярость толпы? Если людям даже наплевать на богов, то уж плохого неуважительного отношения к себе они точно не простят. Я же обвинил жреца в том, что он недостаточно уважает воинов и их семьи!

– Немедленно отведите этих преступников в мой амбар и запирайте там хорошенько! – закричал я. – А ты, Жеривол, через три дня должен найти новые жертвы для наших богов! И

смотри, ищи хорошенько, а то я еще подумаю, стоит ли тебе оставаться верховным жрецом. Вот тогда мы и прольем на алтарь Перуна кровь, достойную его!

Толпа зашумела, задвигалась и потекла в открытые настежь ворота княжеского терема. Сегодня предстоял большой пир, и следовало проявлять гостеприимство...

\* \* \*

Вечером этого дня умер боярин Блуд. Он сидел рядом со мной в течение всего пира, который затянулся. Он слушал крики дружинников, рев медных труб «музыкального сопровождения» и держался довольно хорошо, хоть и из последних сил.

В середине пира он подозвал своего слугу и велел принести из его дома несколько кувшинов греческого вина. У боярина был большой запас, это я знал и раньше.

– Тебе не стоит пить, – шепнул я Блуду, но он лишь усмехнулся своим потемневшим от притока крови лицом.

– Вино еще никому не приносило вреда. Вино – это здоровье. Оно сделано из сладкого винограда и веселит сердце человека.

– Только не сердце гипертоника, – буркнул я, не в силах убедить Блуда. Десять веков не перескочишь: в некоторых вопросах до сознания здешних людей было не достучаться. Как можно объяснить что-либо про артериальное давление людям, которые не знают, что такое система кровообращения? До открытия доктора Гарвея оставалось много веков...

Один раз Блуд наклонился ко мне и негромко сказал:

– Скажи, князь, я давно хотел у тебя спросить... Ведь инязор Тюштя – не такой же человек, как мы все? Он то же, что и ты – верно?

Я на мгновение оторопел, но затем сразу пришел в себя, собрался с мыслями. Мне следовало понимать, что боярин Блуд может догадаться, о чем мы беседовали с эрзянским инязором так долго наедине. Блуд слишком умен и наблюдателен. Он словно бы родился со своими способностями для совсем другого времени. Или наоборот – как раз для этого?

Я кивнул, и боярин удовлетворенно хмыкнул.

– Так я и думал. Этот Тюштя – странный, вроде тебя. Вот я и подумал... Он из твоего времени?

– Не совсем из моего, – ответил я. – Мы с ним как раз говорили о том, почему и каким образом мы здесь оказались. Но он тоже не знает, как и я.

– Зато я знаю, – произнес Блуд значительно. – Незачем было спрашивать Тюштю. Не знаю, зачем послан в этот мир он, но ты послан для того, чтобы крестить нашу страну. Русь должна стать христианским государством, как Византия. Я давно уже тебе это говорил.

– Знаешь, Блуд, – повернулся я к боярину. – Ты будешь смеяться, но Тюштя сказал мне то же самое. Что я должен крестить Русь. Так что если у меня прежде были какие-то сомнения, то теперь они отпали. Похоже, ты самый умный человек на свете, Блуд.

– Я – самый хитрый человек, – засмеялся Блуд, причем лицо его в этот момент совсем потемнело. Белки глаз стали розовыми – произошел разрыв кровеносных сосудов.

– Мне что-то совсем нехорошо, – промолвил боярин, сокрушенно покачав головой. – Пожалуй, я пойду к себе домой и отдохну.

– Мудрая мысль, – подхватил я. – Немедленно домой и лежать! У тебя остался еще настой наперстянки? Выпей его побольше и как можно скорее. Наперстянка поможет тебе, а не греческое вино.

В этот момент слуги Блуда внесли во двор две глиняные амфоры с вином и, отбив горлышки, стали разливать.

Естественно, первому налили мне, затем Блуду, Добрыне и Свенельду, а потом уж слуги пошли обносить дружинников и других бояр.

– Нужно выпить за наших богов, – громко произнес Блуд, вставая со своего места рядом со мной. – Боги принесли нам удачу в походе! Нам не удалось на этот раз победить болгар, но зато мы вернулись домой и скоро будем готовы к новым походам и новым битвам!

Блуд стал пить из своего серебряного кубка, а сидевшие за длинными столами дружинники сопровождали это приветственными согласными криками. Гости шумели, музыка грохотала, забиваясь в уши, подобно ржавым гвоздям, а боярин Блуд – великий политик и великий человек пил свое последнее в жизни вино.

Он запрокинул голову, чтобы влить в себя последние капли из глубокого кубка, да так и повалился набок, потеряв равновесие.

Крики гостей усилились.

– Он пьян, – сказал Добрыня, поглядев на лежащего боярина.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.